

Было бы совершенно ошибочно думать, что французский народ накануне 1789 г. состоял из героев. Кине был вполне прав, когда разрушил эту легенду. Конечно, если собрать и изложить на нескольких страницах все примеры, впрочем, очень немногочисленные, открытого сопротивления буржуазии старому режиму - как, например, протест Д'Эпремениля, - то картина получится довольно внушительная. Но если посмотреть на Францию в целом, то особенно поражает нас именно *редкость серьезных протестов, редкость проявления личности*, даже, можно сказать, *раболепие в среде буржуазии*. «Никто ни в чем не дает о себе знать, - вполне справедливо говорит Кине. - Человеку нет даже случая самого себя по знать»¹. «Где были в то время, - спрашивает он, - Барнав, Туре, Сиейес, Верньо, Гюаде, Ролан, Дантон, Робеспьер и многие другие, скоро ставшие героями революции?»

В провинциях, в городах царил молчание, тишина. Для того чтобы третье сословие составило свои знаменитые указы, нужно было, чтобы центральная власть пригласила людей вслух высказать то, что они до тех пор говорили потихоньку, промеж себя. Да и то! Если мы находим в некоторых указах смелые слова протеста, зато в большинстве их сколько покорности, сколько робости, какая умеренность требований! Рядом с правом ношения оружия и некоторыми судебными гарантиями против произвольных арестов указы третьего сословия требуют главным образом немножко больше свободы в делах городского самоуправления². И только позднее, когда депутаты третьего сословия почувствовали, что их поддерживает народ Парижа, и когда начали слышаться раскаты крестьянского восстания, их поведение по отношению к двору стало более смелым.

К счастью, начиная с движений, вызванных роспуском парламентов, летом и осенью 1788 г. народ не переставал бунтовать повсюду; волны поднимались все выше и выше, вплоть до большого крестьянского восстания в июле и августе 1789 г.

Мы уже говорили о том, что положение крестьян и городского населения было таково, что одного неурожая достаточно было, чтобы вызвать страшное повышение цен на хлеб в городах и голод в деревне. Крестьяне не были крепостными: крепостное право давно уже было уничтожено во Франции, по крайней мере во владениях частных лиц. А с тех пор как Людовик XVI отменил его и в своих поместьях (в 1779 г.), во Франции осталось очень мало крепостных. В Юре, например, было не более 80 тыс. человек, подчиненных праву «мертвой руки», а во всей стране - самое большое около 1,5 млн., а может быть, и меньше 1 млн.; да и эти зависимые крестьяне не были в точном смысле слова крепостными. Большинство французских крестьян давно уже перестали быть крепостными. Но они все еще продолжали платить деньгами и своим трудом (отчасти барщиной) за свое личное освобождение. Эти повинности были крайне тягостны и разнообразны, но они не были произвольными: они считались выкупом за право владения землею, общинного, или частного, или же арендного; на каждой земле лежали свои многочисленные и разнообразные повинности, тщательно занесенные в *земельные записи*, или «уставные грамоты».

Кроме того, за помещиком оставалось право суда, и на многих землях он или сам был судьей, или назначал судей; это издревле удержавшееся право давало ему возможность взимать со своих бывших крепостных всевозможные поборы³. Когда какая-нибудь старуха оставляла своей дочери в наследство одно или два ореховых дерева и какие-нибудь старые лохмотья (например, «мою черную ватную юбку», мне случалось встречать такие наследства), то «благородный и великодушный сеньор»

---

¹ Quinet E. La Revolution, v. 1-2. Paris, 1869, v. 1, p. 15.

² В числе требований, которые больше всего возбудили впоследствии негодование собственников, нужно отметить следующие: Лион, Труа, Париж и Шалон требуют таксы на хлеб и на мясо, устанавливаемой на основании средних цен. Ренн требует, чтобы «заработная плата устанавливалась периодически, соответственно нуждам поденного рабочего»; некоторые города хотят, чтобы всем способным к работе беднякам была обеспечена работа. Что же касается роялистов-конституционалистов, очень многочисленных в то время, то, как видно из проекта «Общего наказа», разобранного Шассеном (Les elections et les cahiers de Paris en 1789. Doc. recueilli et annot. par. Ch. — L. Chassin, v. 1-4. Paris, 1888-1889, v. 3, p. 185), они хотели ограничить обсуждение в Генеральных штатах исключительно вопросом финансов и сокращения дворцовых расходов короля и принцев.

³ В прекрасной брошюре под заглавием «Les fleaux de l'agriculture. Ouvrage pour servir a l'appui des cahiers des Doleances des Campagnes». 1789, 10 avr. («Бичи земледелия Труд, предназначенный для того, чтобы поддержать жалобы деревень»), изданной неким Д. (Доливье?) 10 апреля 1789 г., мы находим следующее перечисление причин, мешающих развитию земледелия: громадные налоги; десятина «обычная» и «необычная», все растущая в размерах; вред, наносимый дичью вследствие злоупотреблений правом охоты; наконец, придирки и злоупотребления помещичьего правосудия. Мы читаем там, что «благодаря судам, связанным с поместьями, помещики сделались деспотами, которые держат жителей деревень в цепях рабства» (Ibid, p 95).